

Выставка недели

моск. правда - 1997 - 2 апр. - с. 5

«Мне снилось: мир притих и ждет конца...»

Эти строки из старого стихотворения Новеллы Матвеевой вспоминались мне вновь и вновь на выставке Натальи Нестеровой, проходящей сейчас в Центральном Доме художника.

Когда-то в начале 70-х (как давно!) ее первые картины вызвали оторопь и веселое недоумение. Уж больно необычны были неуклюжие, застывшие в нелепых позах люди, почти вылепленные из жирных напластований красок. Особенно забавляли всех «фирменные» нестеровские носы, буквально торчавшие из полотен. Но так или иначе, картины Нестеровой были отчетливо узнаваемы, и, увидев издали знакомый почерк, зритель сам шел к полотну: «чего там еще эта Нестерова учудила?» А если зритель интересуется художником, пусть даже с некоторой иронией, это значит, что художник победил: он услышан. Так и произошло с творчеством Нестеровой, очень и очень непрымостым при всей внешней его простоте.

Начать хотя бы с формы, схожей с «примитивами» знаменитых самоучек - Руссо, Пиросмани, Генералича. А ведь Нестерова отнюдь не самоучка, а воспитанница знаменитой Суриковки, ученица таких мастеров, как А.Грицай и Д.Жилинский. Ее примитивизм - вполне осознанный профессиональный прием, необходимый ей, чтобы выразить свои раздумья «о времени и о себе», о смысле существования, о взаимоотношениях человека с природой, человека с человеком.

Картины Н.Нестеровой подчеркнуто бессюжетны, это зарисовки: люди гуляют по городу, сидят в парках и у моря, играют в карты, едят и пьют. Вполне узнаваемы изображаемые пейзажи - городские и загородные: парки и побережье в южных городах-курортах, московские Арбат, Пречистенка, переулки Сретенки, Вильнюс, Петергоф. Но менее всего это жанр. Перед нами какой-то особый мир, внешне похожий на наш и в то же время другой. Можно сказать «параллельный», как у Даниила Андреева в «Розе Мира». Но, по Андрееву, наш мир отражен дважды: вверху, в светлом, райском варианте, и внизу - в темном, адском. Мир, созданный воображением Нестеровой, не похож ни на рай, ни на ад: он где-то между ними - уныло-спокойный, застывший, точнее, оцепеневший. Ровная гладь моря, сероватое небо, какая-то жесткая зелень кипарисов и кустов, застывшие струи фонтанов. И множество людей, абсолютно похожих друг на дру-

га. Куда-то идущих, но не двигающихся, а застывших на месте - по одному, по два, а то и целыми вереницами. Ни одной улыбки, ни одного контакта с соседями: полная отъединен-

лица, пусть некрасивые, все похожие и герметически захлопнутые. Даже если эти люди превращаются на ряде полотен в жуткие свои подобия - то ли гипсовые статуи, то ли белые призраки. Затем начинают исчезать лица - герои отворачиваются от нас, виден лишь кусок щеки и кончик носа. Потом появляется серия полотен, где вместо лиц -

сило и засахарило образы древней Книги. Нестерова возвращает им первозданную мощь и суровую простоту. Вот где оказался удивительно к месту ее художественный язык - неторопливый, тяжеловесный, нарочито упрощенный. Только так можно изображать людей и события безмерно далеких от нас времен. Кто были первые последо-



ность друг от друга, погруженность в себя...

Может быть, это Чистилище? На эту мысль наводит ранняя нестеровская «Горка», очень точно повторяющая картину из флорентийского собора, где изображено Чистилище в виде конусной горы, обвитой тропинкой, идущей вверх. Только у Нестеровой люди идут почему-то вниз... Может быть, это просто прообраз будущего: вот во что превратила данный нам Богом мир наша тупая, выродившаяся технотронная цивилизация: в пустоту и тотальное одиночество.

Интересно наблюдать, как с годами художник все строже судит людей в своем Чистилище. В первые годы ее герои имеют

мертвые белые маски. И, наконец, на выставке в ЦДХ целая стена занята картинами, где люди - лишь прорехи в пространстве, человекообразные силуэты, сквозь которые просвечивает голубое небо. Такой вот тихий Апокалипсис, ни адских мук, ни скрежета зубного...

Тяга к сложным, мировоззренческим проблемам рано или поздно должна была вывести Нестерову к библейской тематике. За века искусство, особенно изобразительное, сильно приукра-



ватели Иисуса? Рыбаки, грузчики, скотоводы, пастухи - корявые, грубые, бесхитростные люди с огромными неуклюжими ручищами и всклокоченными бородами. Они не очень даже понимали проповедь Учителя, просто поверили и пошли за Ним. Удивительно точен оказался у Нестеровой библейский пейзаж - «страна горизонтов кривых, ржавая Палестина» (И.Сельвинский). Именно так изображено все на огромном 12-частном полиптихе «Тайная вечеря». Да и сам Иисус здесь - обычный бродяга-проповедник в мятом хитоне, каких много бродило в те времена по дорогам Востока...

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: Центральная часть полиптиха «Тайная вечеря». «Качели». «Впарке».

